

Райский сад

Андерсен Г.Х.

Жил-был принц; ни у кого не было столько хороших книг, как у него; он мог прочесть в них обо всём на свете, обо всех странах и народах, и всё было изображено в них на чудесных картинках. Об одном только не было сказано ни слова, о том, где находится Райский сад, а вот это-то как раз больше всего и интересовало принца.

Когда он был ещё ребёнком и только что принимался за азбуку, бабушка рассказывала ему, что каждый цветок в Райском саду — сладкое пирожное, а тычинки налиты тончайшим вином; в одних цветах лежит история, в других — география или таблица умножения; стоило съесть такой цветок-пирожное — и урок выучивался сам собой. Чем больше, значит, кто-нибудь ел пирожных, тем больше узнавал из истории, географии и арифметики!

В то время принц ещё верил всем таким рассказам, но по мере того, как подрастал, учился и делался умнее, стал понимать, что в Райском саду должны быть какие-нибудь другие прелести.

— Ах, зачем Ева послушалась змия! Зачем Адам вкусил запрещённого плода! Будь на их месте я, никогда бы этого не случилось, никогда бы грех не проник в мир!

Так говорил он не раз и повторял то же самое теперь, когда ему было уже семнадцать лет; Райский сад наполнял все его мысли.

Раз пошёл он в лес один-одинёшенек, — он очень любил гулять один; дело было к вечеру; набежали облака и полил такой дождь, точно небо было одною сплошною плотиною, которую вдруг прорвало и из которой зараз хлынула вся вода; настала такая тьма, какая бывает разве только ночью на дне самого глубокого колодца. Принц то скользил по мокрой траве, то спотыкался о голые камни, торчавшие из скалистой почвы; вода лила с него ручьями; на нём не оставалось сухой нитки. То и дело приходилось ему перебираться через огромные каменные глыбы, обросшие мхом, из которого сочилась вода. Он уже готов был упасть от усталости, как вдруг услышал какой-то странный свист и увидел перед собой большую освещённую пещеру. Посреди пещеры был разведён огонь, над которым можно было бы изжарить целого оленя; да так оно и было: на вертеле, укрепленном между

двумя срубленными соснами, жарился чудный олень с большими ветвистыми рогами. У костра сидела пожилая женщина, такая сильная и высокая, словно это был переодетый мужчина, и подбрасывала в огонь одно полено за другим.

— Ну, подходи! — сказала она. — Присядь к огню, да обсушись!

— Здесь ужасный сквозняк! — сказал принц, подсев к костру.

— Ужо, как вернутся мои сыновья, ещё хуже будет! — отвечала женщина. — Ты, ведь, в пещере ветров; мои четверо сыновей — ветры. Понимаешь?

— А где твои сыновья?

— На глупые вопросы нелегко отвечать! — сказала женщина. — Мои сыновья не на помочах ходят! Играют, верно, в лапту облаками, там, в большой зале!

И она указала пальцем на небо.

— Вот как! — сказал принц. — Вы выражаетесь несколько резко, не так, как женщины из нашего круга, к которым я привык.

— Да тем, верно, и делать-то больше нечего! А мне приходится быть резкой и суровой, если хочу держать в повиновении моих сыновей! Да я таки и держу их в руках, даром что они у меня упрямые головы! Видишь, вон те четыре мешка, что висят на стене? Сыновья мои боятся их так же, как ты, бывало, боялся пучка розог, заткнутого за зеркало! Я гну их в три погибели и сажаю в мешок, без всяких церемоний! Они и сидят там, пока я не смилуюсь! Но вот, один уж пожаловал!

Это был Северный ветер. Он внёс с собой в пещеру леденящий холод; поднялась метель, и по земле запрыгал град. Одет он был в медвежьи шаровары и куртку; на уши спускалась шапка из тюленьей шкуры; на бороде висели ледяные сосульки, а с воротника куртки скатывались градины.

— Не подходите сразу к огню! — сказал принц. — Вы отморозите себе лицо и руки!

— Отморожу! — сказал Северный ветер и громко захохотал. — Отморожу! Да лучше мороза по мне нет ничего в свете! А ты, что за кислятина? Как ты попал в пещеру ветров?

— Он мой гость! — сказала старуха. — А если тебе этого объяснения мало,

можешь отправляться в мешок! Понимаешь?

Угроза подействовала, и Северный ветер рассказал, откуда он явился и где пробыл почти целый месяц.

— Я прямо с Ледовитого океана! — сказал он. — Был на Медвежьем острове, охотился на моржей с русскими промышленниками. Я сидел и спал на руле, когда они отплывали с Нордкапа; просыпаясь время от времени, я видел, как под ногами у меня шныряли буревестники. Презабавная птица! Ударит раз крыльями, а потом распластает их, да так и держится на них в воздухе долго-долго!..

— Нельзя ли покороче! — сказала мать. — Ты был на Медвежьем острове?

— Да. Там чудесно! Вот так пол для пляски! Ровный, гладкий, как тарелка! Повсюду рыхлый снег пополам с мохом, острые камни, да остовы моржей и белых медведей, покрытые зелёной плесенью, — ну, словно кости великанов! Солнце, право, туда никогда, кажется, и не заглядывало. Я слегка подул и разогнал туман, чтобы рассмотреть какой-то сарай; оказалось, что это было жильё, построенное из корабельных обломков и покрытое моржовыми шкурами, вывернутыми наизнанку; на крыше сидел белый медведь и ворчал. Потом я пошёл на берег, видел там птичьи гнёзда, а в них голых птенцов; они пищали и разевали рты; я взял, да и дунул в эти бесчисленные глотки, — небось, живо отучились смотреть, разинув рот! У самого моря валялись, будто живые кишки или исполинские черви, с свиными головами и аршинными клыками, моржи!

— Славно рассказываешь, сынок! — сказала мать. — Просто слюнки текут, как слушаешь!

— Ну, а потом началась ловля! Как всадят гарпун моржу в грудь, так кровь и брызнет фонтаном на лёд! Тогда и я задумал себя потешить, завёл свою музыку и велел моим кораблям — ледяным горам — сдавить лодки промышленников. У! Вот пошёл свист и крик, да меня не пересвистишь! Пришлось им выбрасывать убитых моржей, ящики и снасти на льдины! А я вытряхнул на них целый ворох снежных хлопьев и погнал их стиснутые льдами суда к югу — пусть похлебают солёненькой водицы! Не вернуться им на Медвежий остров!

— Так ты порядком набедокурил! — сказала мать.

— О добрых делах моих пусть расскажут другие! — сказал он. — А вот и

брат мой с запада! Его я люблю больше всех: он отзывается морем и дышит благодатным холодком.

— Так это маленький зефир? — спросил принц.

— Зефир-то зефир, только не из маленьких! — сказала старуха. — В старину и он был красивым мальчуганом, ну а теперь не то!

Западный ветер смотрел дикарём; на нём была мягкая, толстая, предохраняющая голову от ударов и ушибов шапка, а в руках палица из красного дерева, срубленного в американских лесах, — вон как!

— Где был? — спросила его мать.

— В девственных лесах, где между деревьями повисли целые изгороди из колючих лиан, а во влажной траве лежат огромные ядовитые змеи, и где, кажется, нет никакой надобности в человеке! — отвечал он.

— Что ж ты там делал?

— Смотрел, как низвергается со скалы большая, глубокая река, как поднимается от неё к облакам водяная пыль, служащая опорой радуге. Смотрел, как переплывал реку дикий буйвол; течение увлекало его с собой, и он плыл вниз по реке вместе со стаей диких уток, но те вспорхнули на воздух перед самым водопадом, а буйволу пришлось полететь головой вниз; это мне понравилось, и я сыграл такую бурю, что вековые деревья поплыли по воде и превратились в щепки.

— И это всё? — спросила старуха.

— Ещё я валялся по саваннам, гладил диких лошадей и рвал кокосовые орехи! О, у меня много о чём найдётся порассказать, но не всё же говорить, что знаешь. Так-то, старая!

И он так поцеловал мать, что та чуть не опрокинулась навзничь; такой уж он был необузданный парень.

Затем явился Южный ветер в чалме и развевающимся плаще бедуинов.

— Экая у вас тут стужа! — сказал он и подбросил в костёр дров. — Видно, что Северный первым успел пожаловать!

— Здесь такая жарница, что можно изжарить белого медведя! — возразил

тот.

— Сам-то ты белый медведь! — сказал Южный.

— Что, в мешок захотели? — спросила старуха. — Садись-ка вот тут, на камень, да рассказывай, откуда ты.

— Из Африки, матушка, из земли кафров! — отвечал Южный ветер. — Охотился на львов с готтентотами! Какая трава растёт там на равнинах! Чудесного оливкового цвета! Сколько там антилоп и страусов! Антилопы плясали, а страусы бегали со мной наперегонки, да я побыстрее их на ногу! Я доходил и до жёлтых песков пустыни; она похожа на морское дно. Там настиг я караван. Люди зарезали последнего своего верблюда, чтобы из его желудка добыть воды для питья, да немногим пришлось им поживиться! Солнце пекло их сверху, а песок поджаривал снизу. Конца не было безграничной пустыне! А я принялся валяться по мелкому, мягкому песку и крутить его огромными столбами; вот так пляска пошла! Посмотрела бы ты, как столпились в кучу дромадеры, а купцы накинули на головы капюшоны и попадали передо мной ниц, точно перед своим Аллахом. Теперь все они погребены под высокой пирамидой из песку. Если мне когда-нибудь вздумается смести её прочь, солнце выбелит их кости, и другие путники по крайней мере увидят, что тут бывали люди, а то трудно и поверить этому, глядя на голую, немую пустыню!

— Ты, значит, только и делал одно зло! — сказала мать. — Марш в мешок!

И не успел Южный ветер опомниться, как мать схватила его за пояс и упрятала в мешок; он было принялся кататься в мешке по полу, но она уселась на него, и ему пришлось лежать смирно.

— Бойкие же у тебя сыновья! — сказал принц.

— Ничего себе! — отвечала она. — Да я умею управляться с ними! А вот и четвертый!

Это был Восточный ветер, одетый китайцем.

— А, ты оттуда! — сказала мать. — Я думала, что ты был в Райском саду.

— Туда я полечу только завтра! — сказал Восточный ветер. — Завтра будет, ведь, ровно сто лет, как я не был там! Теперь же я прямо из Китая, плясал там на фарфоровой башне, так что все колокольчики звенели! Внизу, на

улице, наказывали чиновников; бамбуковые трости так и гуляли у них по плечам, а это всё были мандарины от первой до девятой степени! Они кричали: «Великое спасибо тебе, отец и благодетель!» — про себя же думали совсем другое. А я в это время звонил в колокольчики и припевал: тзинг, тзанг, тзу!

— Шалун! — сказала старуха. — Я рада, что ты завтра отправляешься в Райский сад, это путешествие всегда приносит тебе большую пользу. Напейся там из источника Мудрости, зачерпни из него полную бутылку водицы и для меня!

— Хорошо! — сказал Восточный ветер. — Но за что ты посадила брата Южного в мешок? Выпусти его! Он мне расскажет про птицу-Феникс, о которой всё спрашивает принцесса Райского сада. Развяжи мешок, милая, дорогая мамаша, и я подарю тебе целых два кармана зелёного, свежего чаю, сорванного прямо на месте!

— Ну, разве за чай, да ещё за то, что ты мой любимчик, так и быть, развяжу его!

И она развязала мешок; Южный ветер вылез оттуда с видом мокрой курицы, — ещё бы! — чужой принц видел, как его наказали.

— Вот тебе для твоей принцессы пальмовый лист! — сказал он Восточному. — Я получил его от старой птицы-Феникс; она начертила на нём клювом историю своей столетней земной жизни. Теперь принцесса может прочесть обо всём, что ей хотелось знать. Птица-Феникс на моих глазах сама подождала своё гнездо и была охвачена пламенем, как индусская вдова! Как затрещали сухие ветки, какой пошёл от них дым и благоухание! Наконец, пламя пожрало всё, и старая птица-Феникс превратилась в пепел, но снесённое ею яйцо, горевшее в пламени, как жар, вдруг лопнуло с сильным треском, и оттуда вылетел молодой Феникс. Он проклюнул на этом пальмовом листе дырочку; это — его поклон принцессе!

— Ну, теперь пора нам подкрепиться немножко! — сказала мать ветров.

Все уселись и принялись за оленя. Принц сидел рядом с Восточным ветром, и они скоро стали друзьями.

— Скажи-ка ты мне, — спросил принц у соседа: — что это за принцесса, про которую вы столько говорили, и где находится Райский сад?

— Ого! — сказал Восточный ветер. — Коли хочешь побывать там, полетим завтра вместе! Но я должен тебе сказать, что со времён Адама и Евы там не бывало ни единой человеческой души! А что было с ними, ты наверное уж знаешь?

— Знаю! — сказал принц.

— После того, как они были изгнаны, — продолжал Восточный: — Райский сад ушёл в землю, но в нём царит прежнее великолепие, по-прежнему светит солнце, и в воздухе разлиты необыкновенные свежесть и аромат! Теперь в нём обитает королева фей. Там же находится чудно прекрасный остров Блаженства, куда никогда не заглядывает смерть! Сядешь мне завтра на спину, я и снесу тебя туда. Я думаю, что это удастся. А теперь не болтай больше, — я хочу спать!

И все заснули.

На заре принц проснулся, и ему сразу стало жутко: оказалось, что он уже летит высоко-высоко под облаками! Он сидел на спине у Восточного ветра, и тот добросовестно держал его, но принцу всё-таки было боязно: они неслись так высоко над землёю, что леса, поля, реки и моря смотрели будто нарисованными на огромной раскрашенной карте.

— Здравствуй! — сказал принцу Восточный ветер. — Ты мог бы ещё поспать, посмотреть-то пока не на что! Разве церкви вздумаешь считать! Видишь, сколько их? Стоят, точно меловые точки на зелёной доске!

Зелёною доской он называл поля и луга.

— Как это вышло невежливо, что я не простился с твоею матерью и твоими братьями! — сказал принц.

— Сонному приходится извинить! — сказал Восточный ветер, и они полетели ещё быстрее; это было заметно по тому, как шумели под ними верхушки лесных деревьев, как вздымались морские волны, и как глубоко ныряли в них грудью, точно плавающие лебеди, корабли.

Под вечер, когда стемнело, было очень забавно смотреть на большие города, в которых то там, то сям вспыхивали огоньки, — так перебегают по зажжённой бумаге, словно бегущие домой шаловливые школьники, мелкие искорки. И принц, глядя на это зрелище, захлопал в ладоши, но Восточный

ветер попросил его вести себя потише, да держаться покрепче, — немудрено, ведь, было и свалиться, да повиснуть на каком-нибудь башенном шпице.

Быстро и легко нёсся на своих могучих крыльях дикий орёл, но Восточный ветер нёсся ещё легче, ещё быстрее; по равнине вихрем мчался казак на своей маленькой лошадке, да куда ему было угнаться за принцем!

— Ну, вот тебе и Гималаи! — сказал Восточный ветер. — Это высочайшая горная цепь в Азии; скоро мы доберёмся и до Райского сада!

Они свернули к югу, и вот, в воздухе разлились сильный пряный аромат и благоухание цветов. Финики, гранаты и виноград с синими и красными ягодами росли здесь в диком состоянии. Восточный ветер спустился с принцем на землю, и оба улеглись отдохнуть в мягкую траву, где росла масса цветов, кивавших им головками, как бы говоря: «Милости просим!»

— Мы уж в Райском саду? — спросил принц.

— Какое! — отвечал Восточный ветер. — Но скоро попадём и туда! Видишь эту отвесную, как стена, скалу и в ней большую пещеру, над входом которой свесились, будто зелёные портьеры, виноградные лозы? Мы должны пройти через эту пещеру! Завернись хорошенько в плащ: тут палит солнце, но один шаг — и нас охватит мороз. У птицы, пролетающей мимо пещеры, одно крыло чувствует летнее тепло, а другое зимний холод!

— Так вот она, дорога в Райский сад! — сказал принц.

И они вошли в пещеру. Брр... как им стало холодно! Но к счастью ненадолго.

Восточный ветер распростёр свои крылья, и от них разлился свет, точно от яркого пламени. Нет, что это была за пещера! Над головами путников нависали огромные, имевшие самые причудливые формы, каменные глыбы, с которых капала вода. Порой проход так суживался, что им приходилось пробираться ползком, иногда же своды пещеры опять поднимались на недосягаемую высоту, и путники шли точно на вольном просторе под открытым небом. Пещера казалась какою-то гигантскою усыпальницей с немymi органами трубами и знамёнами, выточенными из камня.

— Мы идём в Райский сад дорогой смерти! — сказал принц, но Восточный ветер не ответил ни слова, указывая перед собой рукою: навстречу им струился чудный голубой свет; каменные глыбы мало-помалу стали редеть,

таять и превращаться в какой-то туман. Туман становился всё более и более прозрачным, пока, наконец, не стал походить на мягкое, белое облачко, сквозь которое просвечивает месяц. Тут они вышли на вольный воздух — чудный, мягкий воздух, свежий, как на горной вершине и благоуханный, как в долине роз.

Тут же струилась река; вода в ней спорила прозрачностью с самим воздухом; рыбки отливали серебром и золотом; пурпурово-красные угри сверкали при каждом движении голубоватыми искрами; огромные листья кувшинок пестрели всеми цветами радуги, а чашечки их горели жёлто-красным пламенем, поддерживаемым чистою водой, как пламя лампы поддерживается маслом. Через реку был переброшен мраморный мост, такой тонкой и искусной работы, что, казалось, был сделан из кружев и бус; мост вёл на остров Блаженства, на котором находился самый Райский сад.

Восточный ветер взял принца на руки и перенёс его через мост. Цветы и листья пели чудесные песни, которые принц слышал ещё в детстве, но теперь они звучали такую дивную полную музыкой, какой не может передать никакой человеческий голос.

А это что? Пальмы или гигантские папоротники? Таких сочных могучих деревьев принц никогда ещё ни видывал. Удивительнейшие ползучие растения обвивали их, спускались вниз, переплетались и образовывали самые причудливые, отливавшие по краям золотом и яркими красками, гирлянды; такие гирлянды можно встретить разве только в заставках и начальных буквах старинных святцев: тут были и яркие цветы, и птицы, и самые затейливые завитушки. В траве сидела, блестя распущенными хвостами, целая стая павлинов. Да павлинов ли? Конечно, павлинов! То-то, что, нет: принц потрогал их и оказалось, что это вовсе не птицы, а растения, огромные кусты репейника, блестящего самыми яркими красками! Между зелёными благоухающими кустами прыгали, точно гибкие кошки, львы и тигры; кусты пахли оливками, а звери были совсем ручные; дикая лесная голубка, с жемчужным отливом на перьях, хлопала льва крылышками по гриве, а антилопа, вообще такая робкая и пугливая, стояла возле них и кивала головой, словно давая знать, что и она не прочь поиграть с ними.

Но вот, появилась сама фея; одежды её сверкали, как солнце, а лицо сияло такою лаской и приветливою улыбкой, как лицо матери, радующейся на своего ребенка. Она была молода и чудо как хороша собой; её окружали красавицы девушки с блестящими звёздами в волосах.

Восточный ветер подал ей послание птицы-Феникс, и глаза феи заблистали от радости. Она взяла принца за руку и повела его в свой замок; стены замка были похожи на лепестки тюльпана, если их держать против солнца, а потолок был блестящим цветком, опрокинутым вниз чашечкой, углублявшейся тем больше, чем дальше в неё всматривались. Принц подошёл к одному из окон, поглядел в стекло, и ему показалось, что он видит дерево познания добра и зла; в ветвях его пряталась змея, а возле стояли Адам и Ева.

— Разве они не изгнаны? — спросил принц.

Фея улыбнулась и объяснила ему, что на каждом стекле время начертало неизгладимую картину, озарённую жизнью: листья дерева шевелились, а люди двигались, — ну, вот, как бывает с отражениями в зеркале! Принц подошёл к другому окну и увидел на стекле сон Иакова: с неба спускалась лестница, а по ней сходили и восходили ангелы с большими крыльями за плечами. Да, всё, что было или совершилось когда-то на свете, по-прежнему жило и двигалось на оконных стёклах замка; такие чудесные картины могло начертать своим неизгладимым резцом лишь время.

Фея всё улыбалась и ввела принца в огромный, высокий покой, со стенами вроде прозрачных прорезных картин, — из них повсюду выглядывали головки, одна прелестнее другой. Это были сонмы блаженных духов; они улыбались и пели; голоса их сливались в одну дивную гармонию; самые верхние из них были меньше бутонов розы, если их нарисовать на бумаге в виде крошечных точек. Посреди этого покоя стояло дерево, покрытое зеленью, в которой сверкали большие и маленькие золотистые, как апельсины, яблоки. То было дерево познания добра и зла, плодов которого вкусили когда-то Адам и Ева. С каждого листика капала блестящая красная роса, — дерево точно плакало кровавыми слезами.

— Сядем теперь в лодку! — сказала фея. — Нас ждёт там такое угощение, что чудо! Представь, лодка только покачивается на волнах, но не двигается, а все страны света сами проходят мимо!

И в самом деле, это было поразительное зрелище: лодка стояла, а берега двигались! Вот показались высокие снежные Альпы, с облаками и тёмными сосновыми лесами на вершинах: протяжно-жалобно прозвучал рог и раздалась звучная песня горного пастуха. Вот над лодкой свесились длинные гибкие ветви бананов; вот поплыли стаи чёрных, как смоль, лебедей; показались удивительнейшие животные и цветы, а вдали встали голубые горы; это была Новая Голландия, пятая часть Света. Вот послышалось пение жрецов, и под звуки барабанов и костяных флейт, закружились в бешеной пляске толпы дикарей. Вот проплыли мимо вздымавшиеся к облакам египетские пирамиды, низверженные колонны и сфинксы, наполовину погребённые в песке; вот осветились северным сиянием потухшие вулканы севера. Да, кто бы мог пустить подобный фейерверк? Принц был вне себя от восторга, — ещё бы! Он-то видел, ведь, во сто раз больше, чем мы тут рассказываем.

— И я могу здесь остаться навсегда? — спросил он.

— Это зависит от тебя самого! — отвечала фея. — Если ты не станешь добиваться запрещённого, как твой прародитель Адам, то можешь остаться здесь навеки!

— Я не дотронусь до плодов дерева познания добра и зла! — сказал принц.

— Тут, ведь, тысячи других прекрасных плодов!

— Испытай себя, и если борьба покажется тебе слишком тяжёлою, улетай обратно с Восточным ветром, который вернётся сюда опять через сто лет! Сто лет пролетят для тебя как сто часов, но и это довольно долгий срок, если дело идёт о борьбе с греховным соблазном. Каждый вечер, расставаясь с тобой, буду я звать тебя: ко мне, ко мне! Стану манить тебя рукой, но ты не трогайся с места, не иди на мой зов: с каждым шагом тоска желания будет в тебе усиливаться и, наконец, увлечёт тебя в тот покой, где дерево познания добра и зла. Я буду спать под его благоухающими пышными ветвями, и ты наклонишься, чтобы рассмотреть меня поближе; я улыбнусь тебе, и ты поцелуешь меня... Тогда Райский сад уйдёт в землю ещё глубже и будет для тебя потерян. Резкий ветер будет пронизывать тебя до костей, холодный дождь мочить твою голову; горе и бедствия будут твоим уделом!

— Я остаюсь! — сказал принц.

Восточный ветер поцеловал принца в лоб и сказал:

— Будь твёрд, и мы свидимся опять через сто лет! Прощай, прощай!

И Восточный ветер взмахнул своими большими крылами, блеснувшими как зарница во тьме осенней ночи или северное сияние во мраке полярной зимы.

— Прощай! Прощай! — запели все цветы и растения. Стаи аистов и пеликанов полетели, точно развевающиеся ленты, проводить Восточного ветра до границ сада.

— Теперь начнутся танцы! — сказала фея. — Но на закате солнца, танцуя с тобой, я начну манить тебя рукой и звать: ко мне! ко мне! Не слушай же меня! В продолжение ста лет, каждый вечер будет повторяться то же самое, но ты с каждым днём будешь становиться всё сильнее и сильнее, и под конец перестанешь даже обращать на мой зов внимание. Сегодня вечером тебе предстоит выдержать первое испытание! Теперь ты предупреждён!

И фея повела его в обширный покой из белых прозрачных лилий с маленькими, игравшими сами собою, золотыми арфами вместо тычинок. Прелестные стройные девушки понеслись в воздушной пляске и запели о радостях и блаженстве бессмертной жизни в вечно-цветущем Райском саду.

Но вот, солнце село, небо засияло, как расплавленное золото, и лилии окрасились в цвет чудеснейших роз. Принц выпил пенистого вина, поднесённого ему девушками, и почувствовал прилив несказанного блаженства. Вдруг задняя стена покоя раскрылась, и принц увидел дерево познания добра и зла, окружённое ослепительным сиянием; из-за дерева неслась тихая, ласкающая слух песня; ему почудился в ней голос его матери, певшей: «Дитя моё! Моё милое, дорогое дитя!»

И фея стала манить его рукой и звать нежным голосом: ко мне, ко мне! Он двинулся за нею, забыв своё обещание в первый же вечер! А она всё манила его и улыбалась... Пряный аромат, разлитый в воздухе, становился всё сильнее; арфы звучали всё слаще; казалось, что это пели хором сами блаженные дүхи: «Всё нужно знать! Всё надо изведать! Человек — царь природы!» С дерева уже не капала больше кровь, а сыпались красные блестящие звёздочки. «Ко мне! Ко мне!» — звучала воздушная мелодия, и с каждым шагом щёки принца разгорались, а кровь волновалась всё сильнее и сильнее.

— Я должен идти! — говорил он. — В этом, ведь, нет и не может ещё быть греха! Зачем убегать от красоты и наслаждения? Я только полюбуюсь, посмотрю на неё спящую! Я, ведь, не поцелую её! Я достаточно твёрд и сумею совладеть с собой!

Сверкающий плащ упал с плеч феи; она раздвинула ветви дерева и в одно мгновение скрылась за ним.

— Я ещё не нарушил обещания! — сказал принц. — И не хочу его нарушать!

С этими словами он раздвинул ветви... Фея спала такая прелестная, какую может быть только фея Райского сада. Улыбка играла на её устах, но на длинных ресницах дрожали слезинки.

— Ты плачешь из-за меня? — прошептал он. — Не плачь, очаровательная! Теперь только я понял райское блаженство; оно течёт огнём в моей крови, воспаляет мысли, я чувствую неземную силу и мощь во всём своём существе!.. Пусть же настанет для меня потом вечная ночь, — одна такая минута дороже всего в мире!

И он поцеловал слёзы, дрожавшие на её ресницах, уста его прикоснулись к её устам.

Раздался страшный удар грома, какого не слышал ещё никогда никто, и всё смешалось в глазах принца; фея исчезла, цветущий Райский сад ушёл глубоко в землю. Принц видел, как он исчезал во тьме непроглядной ночи, и вот от него осталась только маленькая сверкающая звёздочка. Смертный холод сковал его члены, глаза закрылись, и он упал, как мёртвый.

Холодный дождь мочил ему лицо, острый ветер леденил голову, и он очнулся.

— Что я сделал! — вздохнул он. — Я нарушил свой обет, как Адам, и вот Райский сад ушёл глубоко в землю!

Он открыл глаза; вдали ещё сверкала звёздочка, последний след исчезнувшего рая, — это сияла на небе утренняя звезда.

Принц встал; он был опять в том же лесу, у пещеры ветров; возле него сидела мать ветров. Она сердито посмотрела на него и грозно подняла руку.

— В первый же вечер! — сказала она. — Так я и думала! Да, будь ты моим

сыном, сидел бы ты теперь в мешке!

— Он ещё попадёт туда! — сказала смерть, крепкий старик с косою в руке и большими чёрными крыльями за спиной. — И он уляжется в гроб, хоть и не сейчас. Я лишь отмечу его и дам ему время постранствовать по белу свету и искупить свой грех добрыми делами! Потом я приду за ним в тот час, когда он меньше всего будет ожидать меня, упрячу его в чёрный гроб, поставлю себе на голову и отнесу его вон на ту звезду, где тоже цветёт Райский сад; если он окажется добрым и благочестивым, он вступит туда, если же его мысли и сердце будут по-прежнему полны греха, гроб опустится с ним ещё глубже, чем опустился Райский сад. Но каждую тысячу лет буду я опять приходить за ним, для того, чтобы он мог или погрузиться ещё глубже или остаться навеки на сияющей небесной звезде!